

Улыбнись самому себе

постсценическая рефлексия №1

Олег Генисаретский,

мой авторский блог – <http://prometa.ru/>,
мой дневник – <http://olegen.blog.ru/>,
мой блог на сайте ИСА –
<http://synergia-isa.ru/blog/?cat=4>,
мой блог Радиоклуба «Говоря, говори!» –
FinamFM – <http://www.finam.fm/post/104/>

Мы попрощались у входа в зрительный зал и он, посидев на приступках сцены, медленно и неуверенно поднялся на неё.

На сцену своего сознания, представленную *ему* в распоряжение волею театрального случая. Мне сразу показалось: то, что я увижу на этой *его* сцене, будет его мышлением. Любопытно, как он распорядится им, и как его витиеватая мысль сплетётся с постановочным сценарием драматурга.

Отталкиваясь от своего опыта, я к началу спектакля называл *сценой* любое обозримое человеком место в его текущей жизненной среде, вместе с окружающими его вещами, людьми (или иными существами), образами,

словами... и тем *иным*, с чем, Бог знает почему, ожидал встретиться здесь и сейчас.

Ещё не сказав ничего, он сделал первый шаг... Не хотелось забегать вперёд, загадывая, как поведут себя далее все оказавшиеся в этот момент на сцене, какие перемены отношений ждут их в спонтанном, неотвратимом беге сценического времени.

Вы наверняка замечали, что в отличие от звучащих слов и зримых поступков присутствующая на сцене мысль мыслит также и самое себя? И уже одним этим, с одного боку, *воображает* себя в качестве мысли (для себя самой же), а с другого — *предъявляет* себя мысли всех присутствующих на сцене (и в зале)? Как мнит она быть самой по себе, чтит себя театрально самоценной, требует к себе внимания, увлекает за собой или отталкивает?

Да, на театре мысль **самодействует**, можно сказать, **самится** и **самствует**, обнаруживая в действующем лице его *притязание* быть самим собой, стремление к *признанию* своего самостояния среди других и притом в своём же **самообразе**. Это ведь на театре именуется «героем»?

Взявшись написать об этом, подумал, что попав на сцену, он задавал себе вопросы: «Что тут происходит?», «Что меня тут ожидает?», «Что я тут делаю и зачем?». А это, согласитесь, вопросы особого рода мысли, рождающейся из телесного присутствия на сцене, от свойственных ему *поведенчески-средового сознания... и сообразительности*.

И только затем происходит возгонка их до спонтанно воображаемого самомышления, повелительно движущего вперёд мысль рассуждающую и чувства безрассудные. Так, а не иначе, силою поведенчески-средовой зависимости от места врываюется в образную ткань сценического воображения страсти, пропитывая её смесью скорбного бесчувствия и бессмысленной жестокости.

«Среда заела», — говаривали в середине XIX в., такая или всякая «зависимость», от чего «лечиться надо», говорят теперь.

Ага, промелькнуло вдруг, а как у него обстоят дела с самозависимостью? Но поскольку — недоверию к *отсебяти-*

не — давно не применяю нозологических метафор к кому бы то ни было, вовремя удержался от подозрения в нарциссизме. Оставлю-ка этот тест для себя, будет о чём на досуге подумать!

И ещё оказалось: раз уж применительно к сценам и сценариям понадобилось заговорить о воображающем самомышлении, то для понимания сценического поведения маловато будет привычных философских модальностей «в-себе», «для-себя» и «для-других-бытия». Понадобится ещё и «бытие-среди-людей», безразличное к различиям «я» и «другой», «другие» и «иные».

С такими вот оговорками, число коих пока для меня не счислимо:

во-первых, придётся думать о человеке среди людей, но не среди человечества, привычно представляемого в единственном числе! М. Хайдеггер давно заметил, что даже в земной истории мыслимы существующие одновременно разные человечества (подобно разным народам на одной территории государства);

а во-вторых, стоит ли наспех называть эту модальность *социальной*? В этом вопросе надо бы ещё разобраться, присмотревшись к разным пониманиям социальности (в том числе и с точки зрения *театральной антропологии*).

Сцена была без занавеса, и я догадался: «Вот погаснет свет, повиснет тишина, и спектаклю конец. Тогда он спустится в зал и мы вместе покинем это заведение. Но...

Но ведь нет и быть не может немых, непроницаемых для света сцен. Между прочим, как раз потому, что все сцены заумно молчаливы и тёмны, укутаны священным мраком, когда ум за разум заходит!

Софиты, однако, стали гаснуть, издали послышался наигрыш йоухикко. Не Муза ли это вожделенных снов без сновидений? Да нет, сна, как такового, на сцене быть не может, иначе стал бы он следующей сценой, и так до бесконечности. А эту театральную ловушку даосы знали за пару тысяч лет до Гамлета с его Шекспиром.

Как попрощались мы, неспешно дойдя до Театральной площади, не помню. Знаю только, что встретились!